

Часть V

ЛУЧШИЕ РАБОТЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ

УДК 882

Студ. Айдосов А.Б.
Рук. Петров В.Б.
УГЛТУ, Екатеринбург

ОБРАЗ РОДИНЫ НА ПЕРЕЛОМЕ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Творчество С. Есенина рассматривается как уникальный нравственно-эстетический феномен.

Ключевые слова: С.Есенин, поэзия, образ Родины.

Творческое наследие Сергея Есенина являет собой уникальный нравственно-эстетический феномен, отразивший духовные искания народа на переломном рубеже истории. В его образном мышлении настолько ярко воплотилось русское национальное самосознание, настолько тесно переплелись культурно-исторические и литературно-фольклорные традиции (русский религиозный фольклор и народная обрядовость, духовная поэзия и скоморошество, паломничество и юродство, православные духовные стихи и религиозно-философские искания), что даже в ситуации духовной раздробленности поэты русского зарубежья признали объединяющее значение его лирики. Так, уже после смерти поэта Георгий Иванов писал: «На любви к Есенину сходятся два полюса искаженного и раздробленного русского сознания, между которыми, казалось бы, нет ничего общего. Из могилы он объединяет людей звуком русской песни» [1, с.38]. При этом в осмыслении специфики есенинской поэзии можно проследить ряд этапов. Так, в дореволюционной критике основную заслугу поэта видели в идиллическом, гармоничном сочленении небесного и земного, Бога и природы, которая для него – обширный храм, и потому все в ней может считаться священным, все может возбудить молитвенный восторг.

В критике периода революции восприятие есенинской поэзии было крайне противоречивым. Если Р.В. Иванов-Разумник и Е.Г. Лундберг видели в его революционных поэмах воплощение «предначертанного мировой историей крестного пути возрожденного народа к новой исторической Голгофе» [2, с.37], то Н.С. Ангарский, П.К. Бессалько и П.И. Лебедев-Полянский усматривали в них реакционные мотивы. Так, Лебедев-Полянский считал, что в «Иорданской голубице» Есенин «без всяких оговорок, вместе с церковным клиром, на радость всей черной и белой братии,

уверяет, что на том свете куда лучше, чем здесь, на земле» [3]. Столь же негативно оценивала творчество поэта и рапповская критика [4], в которой после смерти Есенина укоренилась тенденция неприятия поэта как выразителя старой деревни и уходящего патриархального уклада жизни.

В 20-е годы разворачивается борьба против есенинщины [5], подобно борьбе против булгаковщины. В дальнейшем до середины 50-х годов не только произведения поэта, но и имя его было под запретом. И только период «оттепели» конца 50-х положил начало основательному и плодотворному изучению творческого наследия этого замечательного поэта.

Сергей Есенин – один из немногих русских поэтов, который по праву мог сказать о себе: «Чувство родины – основное в моем творчестве». Основным мотивом лирики этого самобытного поэта являлась любовь к родному краю, к полям, лугам, озерам. Но больше всего его душу согревали воспоминания о родном селе Константиново Рязанской губернии. С деревней связывал поэт все лучшее. Здесь он научился чувствовать природу, слышать ее голос, ощущать гармонию с миром. Очевидно, поэтому образ деревни пронизывает все творчество Сергея Есенина. Деревня для поэта становится воплощением родины [6, с.38].

«Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза».

Уже в начале творческого пути в стихах Есенина детали деревенского быта соседствуют с пейзажными зарисовками. Хотя трудно назвать зарисовками стихотворения, в которых образы природы оживают: «поёт зима – аукает, мохнатый лес баюкает...», «а по двору метелица ковром шелковым стелется...» [6, с. 11]. В изображении деревни в стихах этого периода преобладают натуралистические зарисовки («Край ты мой заброшенный, край ты мой, пустырь...» [6, с. 45], «Потонула деревня в ухабинах, заслонили избенки леса...» [6, с. 51]). Но даже такая деревня дорога сердцу поэта («Но люблю тебя, родина кроткая! А за что – разгадать не могу» [6, с. 52]). Природа у Есенина – не застывший пейзаж: она живет, чувствует, горячо сопереживает судьбам людей.

Революцию Есенин воспринял как возможность изменить деревню, вдохнуть в нее новую жизнь. В поэме «Инония» он рисует сказочный деревенский уклад. При этом романтические интонации поэмы свидетельствуют о туманных, несбыточных надеждах автора [6, с.153].

«В синих отражаясь затонах
Далеких моих озер,
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор».

Уже первые «революционные преобразования» в деревенской жизни привели к разорению села. И Есенин, для которого деревня составляла

смысл поэтического творчества, не мог не замечать этого. В его поэзии начинается период разочарования, появляются кабацкие мотивы. В стихах 1920 года («Исповедь хулигана» [6, с.189–192], «Сорокоуст» [6, с. 181–184], «Я последний поэт деревни» [6, с.185–186]) звучат проклятия в адрес наступающей городской цивилизации, которая разрушает вековой уклад крестьянской жизни.

В стихотворении «Мир таинственный, мир мой древний» [6, с. 199–200] поэт предвидит невозможность сосуществования с миром новых революционных идей: «Вот сдавили за шею деревню каменные руки шоссе», «Здравствуй ты, моя черная гибель...», «Город, город, ты в схватке жестокой окрестил нас как падаль и мразь», «Все же песню отмщенья за гибель пропоют мне на том берегу»).

Мысленно возвращаясь в прошлое, Есенин пытается понять происходящее, обрести некие нравственные ориентиры. Поэтому в его стихах звучит тема дома, деревенского дома («Письмо к матери» [6, с. 235–236]), родных мест («Возвращение на родину» [6, с. 239–243], «Низкий дом с голубыми ставнями...» [6, с. 267–268], «Анна Снегина» [6, с. 510–536]).

Особенно ярко есенинское самовосприятие на фоне происходящих в стране перемен проявилось в стихотворениях «Русь уходящая» [6, с. 275–278] («Остался в прошлом я одной ногою, стремясь догнать стальную рать, скольжу и падаю другою») и «Русь советская» («Я никому здесь не знаком, а те, что помнили, давно забыли...», «... некому мне шляпой поклониться, ни в чьих глазах не нахожу приют», «Пускай меня сегодня не поют – я пел тогда, когда мой край был болен», «Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам»).

А после был «Черный человек», символизирующий тему расчета с прошлым, но все же завершающим аккордом поэтической биографии Сергея Есенина, чья лирика «жива одной большой любовью, любовью к родине», можно считать следующие строчки [6, с.251]:

«Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванов Г. Есенин // Русское зарубежье о Есенине: В 2 томах. – М.: Инком, 1993. – Т. 1.

2. Иванов-Разумник Р., Лундберг Е. Есенин. // Пролетарская культура. 1918. – №. 4.
3. Творчество С. А. Есенина в контексте традиций русской духовной культуры. URL:<http://cheloveknauka.com>
4. Львов-Рогачевский В. Поэзия новой России. – М., 1920.
5. Бухарин Н.И. Злые заметки // Октябрь. – 1927. – №. 2.
6. Есенин Сергей. Стихотворения. Поэмы. – М.: Худож. лит-ра, 1965.

УДК:728.45:351.858-057.875

Студ. Д.А. Брюханов
Рук. Н.К. Антропова
(УГЛТУ, Екатеринбург)

ОБЩЕЖИТИЕ В ЛЯ-МИНОРЕ. ЭССЕ

Представлен необычный образ общежития. Это и Рай на Земле, и Ущелье сарказма, и Долина цветов. И всё это в воспоминаниях автора.

Ключевые слова: общежитие, жизнь, виртуальная реальность, полет, природа, Долина цветов, Рай на Земле, Ущелье сарказма.

Однажды я упал. Нет, ничего страшного, просто по неосторожности и невнимательности запнулся о каменистый выступ и пролетел несколько метров вниз головой. То место, где я очутился, придя в сознание, можно было назвать волшебным и невероятным. Пока я летел, я видел лишь серые скалы и немногочисленные мхи и лишайники, наползающие на стенки каменистой породы и образующие мягкое, хоть и редкое травянистое полотно. К моему счастью, летел я долго и мог видеть очень много необычайно красивых вещей. Когда я пролетал очередной склон, образовавшийся, смею предположить, переменчивым некогда бушевавшим речным потоком, из года в год то спадающим, то нарастающим, моему взору стали открываться огромные зелёные шапки деревьев. Их было так много, что невозможно было разглядеть дна. Когда я уже оказался бесконечно близко, я, сломав ветки и разворошив слежавшуюся листву, пролетел сквозь них дальше, обнаружив чудовищно высокие стволы. Солнечный свет почти не просачивался сквозь лиственные одеяла, но всё же, совсем чуть-чуть, он питал те земли, что оказались подо мной, своим теплом.

Я летел, летел долго, до тех пор, пока не услышал рёв воды, доносящийся снизу. Речка расплёскивала искры своих вод, разбиваясь и падая с очередного порожка. Она не была огромной, но была чудовищно красивой. Бесконечно голубая и такая невероятно прозрачная, что даже с